

18+

ЮРИЙ ДРАЗДОВ

МАНАКОП. АРКА 1

Юрий Драздов

Манакоп. Арка 1

«Издательские решения»

Драздов Ю.

Манакоп. Арка 1 / Ю. Драздов — «Издательские решения»,

В мире, где магия — платная услуга, а любое заклинание облагается налогом, инквизитор Кай балансирует на грани списания: его коэффициент благонадёжности — 0,5. Патрулируя трущобы Воронки, он выписывает штрафы старухам за подогрев супа, но случайная встреча с таинственным хакером Рэмом ломает привычный порядок. Планшет Кая выжигает пиратский вирус, открывая ему глаза на истинную цену «Великой Системы». Теперь инквизитору предстоит сделать выбор: остаться винтиком или попытаться вернуть магию.

© Драздов Ю.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1: Коэффициент 0,5	6
Глава 2: Красный экран	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Манакон. Арка 1

Юрий Драздов

© Юрий Драздов, 2026

ISBN 978-5-0070-1645-2 (т. 1)

ISBN 978-5-0070-0543-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1: Коэффициент 0,5

Пробуждение было неестественным, как и всё в этом городе, где даже воздух имел цену, а сны облагались налогом на обработку нейронных данных, если ты, конечно, пользовался официальным приложением для сновидений, а не старым дедовским методом — просто закрыть глаза и ждать, пока мозг сам начнет генерировать хаотичные образы.

Сначала вязкую тишину бетонной коробки разрезала вибрация. Она была не звуком даже — скорее, зудом, проникающим через поролон матраса прямо в позвоночник, в самые кости, в те места, где, казалось, уже давно не осталось нервов. Планшет на тумбочке ожил, и по его матовому экрану побежали зеленые строки системного лога. Это был не просто будильник — это был сеанс связи с Центральным Узлом, обязательный для всех сотрудников Департамента Магического Правосудия. Динамик, настроенный на безэмоциональный женский тембр, который, по слухам, был синтезирован на основе голоса давно почившей Верховной Судьи, произнес фразу, вьетшуюся в мозг Кая, словно заезженная пластинка:

«Доброе утро, Инквизитор 7-го сектора. Баланс лицензии: стабилен. Суточный лимит маны: доступен. Штрафов к выписке: 0. Рекомендация: произвести патруль».

Кай сел на кровати. Движение было механическим, лишённым всякого желания жить — так садятся не люди, а марионетки, за ниточки которых дергает невидимый кукловод по имени «Ответственность». Спина хрустнула, простыня — дешёвый хлопок, подписка на премиум-ткани истекла два месяца назад, и теперь он спал на том, что Система милостиво именвала «Базовым комфортом», а на деле было мешковиной, пропитанной химическим составом от клопов — скомкалась в ногах. Он моргнул. Раз, другой. На третьем моргании мир изменился, хотя слово «мир» было слишком громким для того, что он видел каждый день.

Перед глазами развернулся интерфейс.

Линзы, вживлённые прямо в роговицу (дешёвая модель «Клерк-3», без нейросвязи, без тактильной отдачи, без возможности отключить рекламу — только базовый набор: дополненная реальность, идентификация объектов и, конечно же, шкала), вывели на периферию зрения цифры и графики. Интерфейс висел в воздухе, полупрозрачный, чуть подрагивающий в такт пульсу. Цвет — тревожный янтарный, тот самый оттенок, который дизайнеры Системы выбрали, чтобы вызвать у пользователя чувство постоянного, фоновое беспокойства. Градация от нуля до единицы. Текущее значение было обведено жирной рамкой: 0,5.

«Коэффициент Благонадёжности», — беззвучно прочитал Кай.

Троечка по пятибалльной шкале Системы. Или, если переводить на понятный язык, — жизнь на тонкой нити. Край пропасти, за которым — ни-че-го. Отключение лицензии. Блокировка аккаунта. А для инквизитора это означало не просто потерю работы. Это означало полную дематериализацию — медленную, мучительную, когда твоё тело становится прозрачным, а потом и вовсе исчезает из реестра бытия. Ты не умираешь в классическом смысле, нет. Ты просто перестаёшь быть засчитанным Системой, а в мире, где реальность на три четверти состоит из цифровых протоколов и магических баз данных, быть не засчитанным — хуже смерти. Это небытие. Это слепота Системы. А слепота Системы — это когда ты идёшь

по улице, а прохожие проходят сквозь тебя. Когда ты пытаешься заговорить, а твой голос не оцифровывается. Когда ты пытаешься съесть кусок хлеба, но твоя рука хватает пустоту.

Кай протёр глаза, и шкала послушно сместилась в левый верхний угол обзора. Теперь она напоминала прилипшую к стеклу муху — вечно присутствующую, вечно раздражающую, но если её раздавить, то останется грязное пятно, которое заслонит ещё больше.

Квартира встретила его привычным убожеством. Двадцать квадратных метров жилой площади — норма для холостого инквизитора седьмого сектора. Бетонные стены без обоев, потому что визуальное оформление интерьера шло отдельной платной подпиской, а Кай предпочитал тратить кредиты на еду, а не на иллюзию кирпичной кладки или «Скандинавский лофт», который рекламировали на каждом углу. Он помнил, как в первый год службы поддался на уговоры менеджера и оплатил «Элитный пакет: Замок Дракулы», и потом месяц жил в окружении виртуальных горгулий и паутины, пока не понял, что это навевает на него ещё большую тоску. Теперь его стены были просто серыми, и это было честно.

Единственной роскошью — обязательной, впрочем, по санитарному регламенту, который гласил, что каждый гражданин имеет право на «Визуальную единицу внешнего мира» — было голографическое окно.

Сейчас оно транслировало «Солнечное утро в Центральном Парке».

Картинка подрагивала — проектор дышал на ладан. По изумрудной траве бегали пиксельные белки, чьи хвосты оставляли радужный след; в небе застыло идеально круглое солнце, которое никогда не двигалось, потому что анимация была зациклена; а вдалеке, на скамейке, сидела пара влюблённых. Их силуэты размывались в радужное крошево всякий раз, когда холодильник в углу щёлкал терморегулятором. Иногда, если долго смотреть на эту пару, можно было заметить, что они никогда не целуются, не обнимаются, не меняют позу. Их роман был заморожен на одном и том же моменте — он тянется к её руке, она смотрит в его глаза. Вечность в одну секунду. Как будто программист, создававший эту сцену, понятия не имел, что влюблённые делают дальше.

Кай подошёл к окну, коснулся пальцем рамки. Высветилось меню, написанное строгим гротеском: «Сменить пейзаж. Доступно: 1. Промозглая Осень (бесплатно). 2. Солнечное утро (базовый). 3. Вид на Море (премиум, 50 кред/сут). 4. Горный Пейзаж (премиум, 70 кред/сут). 5. Открытый Космос (VIP, 200 кред/сут)». Он смахнул меню прочь. Мысль о том, чтобы платить две сотни в день за вид на звёзды, которых он никогда не видел вживую, казалась ему отвратительной.

Осень его вполне устраивала. Хотя бы не врал про вечное лето.

На кухне — а если быть совсем точным, в нише, отделённой от спальни полосатой занавеской из материала, похожего на полиэтилен, который противно шуршал при каждом прикосновении, — его ждала газовая горелка. Настоящий антиквариат, баллон с пропаном, купленный на чёрном рынке у старого торговца по имени Грым, который держал лавку в подвале 9-го блока. Никаких магических конфорок. Никаких «Индукционных Вихрей 2.0» или «Пламенных Спиралей», которые рекламировали в каждой второй голограмме. Кай не мог позволить себе платить налог на магический комфорт. Система считала каждую калорию тепла, полученную чудом, и облагала её прогрессивным сбором. Хочешь сварить кофе с помощью заклина-

ния «Кипяток»? Будь добр заплатить 0,15 кредита. В день. За год набегало под пятьдесят. А если ты, не дай Система, использовал для этого огненный шар третьего круга, как делали многие дураки, желая быстро поджарить мясо, штраф мог составить до двухсот кредитов за одно применение. Дешевле было по старинке, на огне, с помощью настоящего пропана, который, к слову, тоже был контрабандой, но к контрабанде горючих веществ в Воронке относились куда терпимее, чем к контрабанде магии.

Он чиркнул зажигалкой. Колесико скрипнуло, высекло искру, и голубое пламя лизнуло дно турки — ещё одного анахронизма, откопанного на блошином рынке. Медный бок покрыт патиной, ручка болтается на одном винте, но кофе эта штука варила отменный. Не тот синтетический порошок, что продавался по карточкам в государственных распределителях и на вкус напоминал жжёные опилки, а молотые зёрна, припрятанные в жестяной банке из-под галет. Тоже контрабанда, конечно. Но если ты инквизитор, ты хотя бы знаешь, где искать, у кого покупать и сколько платить за молчание. Коррупция? Нет. Скорее, неписанные правила игры.

Пока вода закипала и начинала выпускать первые пузырьки, Кай подошёл к стойке со снаряжением.

Она висела у двери — не вешалка, а скорее оружейный стенд, вырезанный из листа фанеры. Кай сам его смастерил в первый месяц службы, когда понял, что казённые пластиковые держатели ломаются от одного неосторожного движения. В центре, в специальном углублении, обитом поролоном, покоился планшет «Гранит-7». Противоударный корпус цвета мокрого асфальта, усиленные углы с резиновыми накладками, водонепроницаемость до десяти метров — с запасом, потому что канализация в Воронке часто прорывалась, а инквизитору приходилось лезть по колено в дерьме за каким-нибудь незарегистрированным магом-самоучкой, который прятался в коллекторе. Экран был девственно чист. Кай провёл пальцем, снимая блокировку.

Система приветствовала его иконкой весов — символом Департамента Магического Правосудия: золотые чаши на фоне раскрытой книги. Под иконкой значилось: «Инквизитор Кай, идентификатор #4417. Стаж: 4 года 2 месяца 11 дней. Выслуга лет: идет. Пенсионные накопления: активны».

Рядом с планшетом, на двух крючках, висел его единственный аргумент в спорах с теми, на кого не действовал Wi-Fi. Электрошокер «Жезл Правосудия», модель «М5-Подавитель». Тяжёлый, с рубчатой рукоятью, покрытой резиной для лучшего хвата. При нажатии на кнопку выстреливал двумя гарпунами, которые били разрядом на дистанции до десяти метров. В простонародье эту модель называли «Палка-Приставалка». Кай снял жилет с кобурой, защёлкнул шокер в крепление, проверил заряд. Три деления из трёх. Хорошо. На его памяти был случай, когда один инквизитор из соседнего сектора нарвался на пьяного мага-грузчика, и шокер разрядился вхолостую, потому что тот забыл проверить его с утра. Инквизитору потом три месяца сращивали челюсть в госпитале.

Отделение для свитков-протоколов на поясе было пустым. Стандартные бланки: «Акт о нарушении», «Квитанция о штрафе», «Постановление на обыск», «Уведомление о депортации», «Протокол изъятия». Все — в цифровом виде, конечно, дублированные на серверы Департамента. Но Система требовала дублировать всё на физические носители. Бюрократия, возведённая в абсолют. Кафка в мире кибермагии. Если ты выписывал штраф, ты обязан был выдать нарушителю бумажную квитанцию. Если ты проводил обыск, ты обязан был вручить

копию протокола. Каждое действие имело свой бумажный след, и эти следы архивировались в подвалах Центрального Департамента, где, по слухам, работали специально обученные люди, которые ничего не делали, только подшивали бесконечные километры чеков в папки.

Кофе булькнул, грозя сбежать. Кай метнулся к плите, схватил турку за ручку через тряпку, перелил густую, почти чёрную жидкость в кружку. Кружка была с надписью «Лучшему Инквизитору» — подарок от бывших коллег на прошлый День Департамента. Буквы уже облупились, и теперь надпись читалась как «Лу... му Инкв...ру». Сделал глоток. Горечь обожгла язык, растеклась по нёбу, наполнила рот ароматом детства — потому что такой же кофе варил его отец, когда Кай был ещё мальчишкой и не знал, что магия станет проклятием мира. Жизнь стала чуточку терпимее.

И в этот момент на периферии зрения всплыл баннер.

Интерфейс залился розовым. Прямо перед тарелкой с парой синтетических галет, которые своим видом напоминали прессованные опилки, закружилась трёхмерная голограмма: улыбающаяся женщина в строгом костюме, с бейджем «Менеджер по лояльности». Она развела руками, и вокруг неё закружились искры, которые, если присмотреться, складывались в логотипы спонсоров.

«Пакет „Инквизитор Плюс“! — проворковала она тоном, от которого у Кая моментально заняли зубы, как будто кто-то водил ногтём по стеклу. — Всего за 99 кредитов в месяц! Увеличенный радиус [Ареста] на 30%! Скидка на боевые заклинания — 10%! Бесплатная подписка на канал „Магический Вестник“! А также — специальное предложение — доступ к эксклюзивным свиткам „Продвинутого Дознания“!»

Кай раздражённо махнул рукой. Палец рассек проекцию, попал по иконке «Закрыть». Баннер мигнул и сменился новым: «Вы уверены? До конца акции осталось 2 минуты 15 секунд! Пакет „Инквизитор Плюс“ выгоднее на 20%, чем покупка услуг по отдельности! Оплатите сейчас и получите месяц бесплатного доступа к „Архиву Прецедентов“!»

— Да пошла ты, — прошептал Кай, чувствуя, как в венах закипает глухое раздражение, которое он привык подавлять годами тренировок, и ткнул снова, на этот раз с такой силой, что палец проскочил сквозь голограмму и стукнулся о край стола.

На этот раз реклама исчезла, оставив после себя лёгкий шлейф статического электричества и чувство, похожее на похмелье. Реклама в Системе была повсюду. Она влезала в интерфейс во время задержания — «Задержанный пользователь: Маг-вредитель. Рекомендуемый к применению дебафф: „Паралич“. Спонсор дебаффа: Корпорация „Правовые Инновации“», — всплывала на экране планшета при составлении протокола, шептала из динамиков общественного транспорта голосом сладким и вёдливym, проникала в сны, если ты по глупости согласился на пробный период «Рекламной Интеграции». Хочешь жить в мире победившей магии? Будь добр, смотри рекламу. Это было частью Общественного Договора, пункт 12.8, который никто не читал, но все принимали.

Кай допил кофе, сунул в рот галету, которая на вкус действительно напоминала картон с солью, и запил остатками горькой жидкости. Завтрак инквизитора: дешёво, сердито и без налога на удовольствие. Он направился к двери, на ходу проверяя, застёгнута ли кобура, висит ли планшет на ремне, не забыл ли он ключи. За спиной голографическое окно мигнуло, пере-

ключаясь с «Солнечного утра» на «Промозглую Осень». Серое небо, голые деревья, морось, одинокий лист, застрявший в паутине. Честнее. Гораздо честнее.

Пора было патрулировать.

2

«Пепельная Воронка» встречала его запахом, и этот запах был её визитной карточкой, её неизменным атрибутом, такой же частью района, как серый бетон и вечный дождь.

Это был сложный, многослойный букет, который не спутаешь ни с чем, даже если ты потерял обоняние после какой-нибудь производственной аварии. Первый слой — сырой бетон. Он пах так, как пахнут старые здания, пропитанные десятилетиями дождей, плесени и человеческого пота. Второй слой — озон от проходящих аэробусов, чьи магические двигатели разряжали в атмосферу остаточную энергию, и теперь воздух дрожал, как перед грозой. Третий слой — гниющие отходы из мусорных контейнеров, которые коммунальные службы объезжали стороной, потому что Воронка считалась «зоной пониженного обслуживания». И, наконец, четвёртый слой, самый тонкий и самый важный для Кая: запах отработанной магии.

Этот запах был похож на жжёный сахар с металлическим послевкусием. Он оседал на языке, проникал в одежду, смешивался с каплями дождя, который в Воронке, казалось, не прекращался никогда. Старожилы говорили, что дождь здесь проклятый — заколдованный триста лет назад во время какой-то магической войны, о которой все теперь забыли. Но Кай знал правду: дождь был обычным, просто климатические модули, управлявшие погодой в других секторах, до Воронки не дотягивались, и над районом постоянно висело облако химических испарений.

Дождь здесь был особенный. Не просто вода, а субстанция — химический коктейль, в котором плавали микрочастицы нестабильных чар. В лужах, разлившихся по разбитому асфальту и треснувшему бетону, переливалась радужная плёнка — цветная пыльца магии, оставшаяся после чьих-то несанкционированных фокусов, запрещённых заклятий или просто неосторожного колдовства. Если долго вглядываться, можно было увидеть, как в глубине лужи пробегают крошечные молнии, как закручиваются микроскопические водовороты, как вспыхивают и гаснут искры. Местные дети, те, кто ещё не научился удивляться, называли эти лужи «звёздными ямами» и бросали в них монетки, загадывая желания. Глупый ритуал, пришедший из доцифровой эпохи.

Кай поднял воротник плаща. Плащ был форменный, с серебряной нашивкой на плече — стилизованный глаз в треугольнике, символ Департамента, который в народе называли «Всевидающим Оком» или, менее почтительно, «Глазом-Задницей». Ткань водоотталкивающая, с пропиткой из особого раствора, но в Воронке это помогало ровно первые пятнадцать минут, а потом вода всё равно находила путь внутрь — через ворот, через рукава, через швы, которые расходились от старости. Кай помнил, что ему обещали новый плащ по разнарядке ещё три месяца назад, но на складе Департамента вечно не хватало размеров, или нужной модели, или просто желания возиться с инквизиторами из низших секторов.

Он шёл по центральной улице, которая гордо именовалась Проспектом Надежды, хотя все местные от мала до велика называли её «Кишкой» — потому что она извивалась меж домов, как кишка, и была так же забита отходами, как кишка. Дома — типовые жилые блоки,

построенные лет пятьдесят назад по единому проекту «Улей-5», когда этот район ещё считался перспективным и сюда заселяли семьи бюджетников, — обступали проспект серыми громадами. Их фасады, когда-то окрашенные в жизнерадостные пастельные тона (жёлтый, голубой, салатный), теперь покрывала сеть трещин и пятна чёрной плесени, которая, по слухам, была не просто грибом, а побочным эффектом от протечки магических труб.

Рекламные голограммы, проецируемые с крыш, накладывались друг на друга, создавая сюрреалистический коллаж, от которого рябило в глазах. «Кредит для малоимущих магов! Только сегодня — ставка 0,1%!» перебивался «Скупкой легальных свитков по выгодным ценам», а та, в свою очередь, тонула в объятиях полуголой девицы, рекламирующей «Обновлённый Аватар: Будь красивым даже в долгах!». Всё это мельтешило, жужжало, подмигивало, и Кай чувствовал, как от этой какофонии у него начинает болеть голова. Он сбавил яркость интерфейса до минимума, чтобы хоть как-то отфильтровать визуальный шум.

Первым, на кого он обратил внимание, был подросток.

Пацан лет пятнадцати, тощий, угловатый, с цыплячьей шеей, в растянутой кофте с капюшоном, которая когда-то была, кажется, красной, а теперь стала бурой. Он прятался в нише между автоматом по продаже консервов «Завтрак Мага» и входом в подвал, на котором висела ржавая табличка «Бомбоубежище №42». Стоял, вытянув руку вперёд, и на его раскрытой, чуть подрагивающей ладони плясал огонёк. Вернее, пытался плясать. Светлячок — простейшее заклинание нулевого круга, которое полагалось изучать в школе на уроках «Основ Магической Безопасности», если у тебя, конечно, была лицензия на базовое магическое образование, а она была далеко не у всех, — рождался криво. Он не парил, как положено, в воздухе, не лился мягким тёплым светом, а скорее дёргался в конвульсиях, рассыпая вокруг себя снопы оранжевых искр, которые падали на землю и гасли с тихим шипением. Мальчишка пыхтел от натуги, на лбу вздулась вена, на кончике носа повисла капля пота.

Планшет Кая ожил. Динамик тихо, но отчётливо — так, чтобы слышал не только инквизитор, но и сам нарушитель, это был специальный психологический приём, разработанный в недрах Департамента для «профилактического воздействия», — проскрипел: «Несанкционированное использование заклинания „Свет“. Уровень угрозы: 0. Пользователь: не идентифицирован. Лицензия: отсутствует. Рекомендация: профилактическая беседа или выписка предупреждения».

Кай остановился. Его ботинки, тяжёлые, на рифлёной подошве, чавкнули по луже, и звук этот эхом разнёсся по переулку. Подросток поднял глаза и увидел его. Серебряную нашивку на плече, планшет в руке, непроницаемое лицо, на котором застыло выражение усталой обречённости. Огонёк на ладони тут же погас, будто его и не было, будто сама жизнь вытекла из заклинания от одного присутствия инквизитора. Лицо пацана стало бледнее мела, даже губы побелели. Он прижался спиной к стене, вжался в неё так, словно хотел слиться с бетоном, стать незаметным, исчезнуть из реестра, и на его лице отчётливо читалась мысль: «Всё. Попался. Прощай, жизнь».

Кай молчал. Он смотрел на мальчишку — на его дрожащие руки, на его рваные кроссовки, на его испуганные глаза, в которых уже начал закипать стыд, — и в голове его, словно в интерфейсе, прокручивались варианты. Составить протокол? За что? За попытку зажечь спичку в мире, где спички запрещены? Формально — да, это нарушение. Но уровень угрозы — ноль. Лимит задержаний на сегодня — у него было три попытки. Если он потратит одну

на этого пацана, то вечером, когда какой-нибудь пьяный грузчик начнёт метать файерболы в тараканов, у него просто не будет квоты, и тогда Система зафиксирует «пропуск нарушения». А пропуск нарушения — это минус к Коэффициенту. А минус к Коэффициенту — это шаг к пропасти. И всё из-за чего? Из-за светлячка?

— Пшёл вон, — тихо сказал Кай.

Подросток не заставил просить дважды. Он сорвался с места и побежал, шлёпая рваными кроссовками по лужам, спотыкаясь о куски арматуры, огибая кучи мусора. Через секунду его фигура скрылась в переулке, оставив после себя только запах жжёного сахара, лёгкое чувство стыда и одинокий рыжий искор, который ещё пару секунд тлел на асфальте, прежде чем погаснуть окончательно.

Кай двинулся дальше. Проспект Надежды постепенно сужался, переходя в сеть ещё более убогих переулков, где дома стояли так тесно, что их балконы почти соприкасались, образуя подобие крыши. Здесь уже не было рекламных голограмм — их место заняли надписи на стенах, нанесённые баллончиками с краской или просто выпцарапанные гвоздём. «Магия — не товар», — гласила одна, выведенная корявым почерком. «Сбросьте Систему!» — вторила ей другая, начертанная трафаретом. «Верните небо» — третья, самая лаконичная. Последний лозунг был особенно популярен у старшего поколения, которое ещё помнило времена, когда над городом не висела магическая сигнальная сеть, не проплывали аэробусы, а ночью были видны звёзды, а не голограммы звёзд.

У стены, прямо на земле, на грязном матрасе, прикрытом куском полиэтилена, сидел нищий.

Табличка на его коленях, сделанная из обломка фанеры и покрытая лаком для сохранности, гласила: «Подайте на продление лицензии. Бывший учитель математии. Потерял работу из-за сокращения». Кай замедлил шаг, вглядываясь. Сам нищий был... полупрозрачным. Это зрелище всегда вызывало у него глухую, тошнотворную тревогу, которая скреблась где-то под сердцем, как крыса в подвале. Аккаунт бедняги был на грани отключения. Ещё пара дней, максимум неделя — и Система спишет его в утиль. Тело потеряет физическую плотность, начнёт просвечивать, потом сквозь него станут видны камни мостовой, потом он начнёт проваливаться сквозь предметы, а потом и вовсе исчезнет. Останется только запись в базе данных: «Пользователь #4482719 удалён за неуплату. Причина: недостаток средств на счёте. Дата деактивации:...». И всё. И никакого надгробия.

Лицо нищего было спокойным, и это спокойствие было страшнее любой истерики. Он смотрел в стену перед собой невидящим взглядом, и его глаза, выпцветшие, почти белые, казалось, видели что-то, недоступное Каю. Может быть, тот самый мир без Системы, о котором мечтали авторы настенных лозунгов. Губы едва шевелились — то ли молитва какому-то забытому богу, то ли проклятие, то ли просто нервный тик.

Кай полез в карман. Достал горсть кредитных чипов — мелких, по пять единиц, которые звякнули в его ладони, как настоящие монеты. Отсчитал четыре штуки. Положил в жестяную кружку, стоявшую рядом с табличкой. Чипы звякнули о жесть, и звук этот показался Каю оглушительно громким. Нищий медленно, словно преодолевая сопротивление воды или густого сиропа, повернул голову. Его движение было плавным и одновременно дёрганным, как покадровая съёмка.

— Благослови тебя Система, — прошелестел он. Голос звучал с помехами, как старая радиопередача, пойманная на волне, уходящей в прошлое.

Кай кивнул и пошёл дальше, чувствуя, как за его спиной взгляд полупрозрачного человека буравит ему затылок. Он знал, что его подачки не хватит. Ни на продление лицензии, ни на нормальную еду, ни на лекарства. Продление базовой лицензии стоило пятьсот кредитов в месяц, и это был минимум, необходимый для того, чтобы тебя продолжали засчитывать. Двадцать кредитов, которые он бросил в кружку, были каплей в море, насмешкой, жалкой попыткой откупиться от собственной совести. Но дать больше значило бы поставить под удар собственный баланс. А жалость, как говаривал его старый инструктор, сержант Холт, царство ему небесное (или что там после удаления аккаунта), — это роскошь, которую инквизитор может позволить себе не чаще раза в неделю, и то по большим праздникам.

Он шагал мимо бесконечных дверей, подъездов, заколоченных витрин. Где-то гроыхала музыка — тяжёлый дабстеп с вплетёнными в басы подпрограммами гипновнушения, который буквально продавливал барабанные перепонки и заставлял сердце биться в неестественном ритме. Кай узнал этот ритм — это был «Стук Капитализма», популярный трек прошлого года, который, по слухам, содержал скрытое послание, призывающее покупать определённый бренд энергетиков. На перекрёстке робот-уборщик, похожий на гигантского жука с прозрачным панцирем, внутри которого копошилась какая-то механика, тщетно пытался всосать лужу радужной грязи, но та снова и снова собиралась в маслянистую кляксу, обтекая щётки и манипуляторы. Робот жужжал, трещал, выбрасывал струйки пара, но магия не поддавалась механике. Это была вечная борьба двух стихий.

— Господин инквизитор!

Голос был тонкий, срывающийся, похожий на цвирканье воробья. Кай повернул голову и увидел Шныря. Тот вынырнул из-за груды мусорных мешков, сваленных у стены, так стремительно, будто соткался из тени, будто сама тьма родила его и выплюнула на свет. Паренёк лет двенадцати, тощий и юркий, в бесформенном балахоне, который когда-то был, кажется, плащом, сжимал в руках какой-то свёрток — не то еду, не то ворованный товар. На его пальцах, тонких, грязных, с обломанными ногтями, были видны металлические накладки — модификации для быстрого ввода рун. Это значило, что Шнырь умеет обращаться с планшетом или даже с «голым» рунным кругом, который не требует интерфейса. Опасный навык для беспризорника, который в любой момент мог быть зафиксирован Системой как «потенциально опасный элемент» и подвергнут превентивному дебаффу.

— Чего тебе? — спросил Кай, не останавливаясь. Он знал Шныря уже около года, и каждый раз их встречи означали либо проблемы, либо информацию о проблемах.

Шнырь пристроился рядом, семеня, чтобы не отставать от широкого шага инквизитора. Его глаза, большие, чуть навывкате, с воспалёнными веками, бегали по сторонам, обшаривали подворотни, крыши, окна. Он явно нервничал, и его нервность была заразительна — Кай тоже начал невольно оглядываться.

— Господин инквизитор, — Шнырь понизил голос до шёпота, почти до шипения. — В 14-м блоке воняет серой маной. Сильно воняет. Похоже на пиратский софт, свежачок.

Кай остановился. 14-й блок? Это была окраина Воронки, полусгнивший район, который власти давно махнули рукой восстанавливать. Там ютились те, кому нечего было терять: отчаянные маги-самоучки, беглые должники, спившиеся чародеи, торговавшие остатками своих лицензий, и тёмные личности, промышлявшие контрафактными свитками. Идеальное место для распространения пиратского софта. Именно там, по слухам, зародилась эпидемия «Серых Свитков», которая два года назад чуть не обрушила магическую сеть города.

— Откуда знаешь? — спросил он, внимательно глядя на паренька.

Шнырь шмыгнул носом и вытянул руку. На кончиках его модифицированных пальцев, на сенсорных подушечках, слабо светились зелёные точки — следы встроенного детектора маны. Очередной кустарный апгрейд, запрещённый, разумеется, и опасный для здоровья, потому что несертифицированные детекторы часто перегревались и могли выжечь нервные окончания. Но Кай предпочитал не замечать этого. У каждого в Воронке был свой скелет в шкафу. И у Шныря тоже.

— Запах в лужах, — сказал Шнырь, тряся пальцами, чтобы разогнать кровь. — Серая мана, господин инквизитор. Она пахнет горелой резиной. Старой резиной. Как будто жгут покрышки. Я чую такие вещи за полкилометра. — Он говорил быстро, проглатывая окончания слов, и Кай с трудом разбирал его скороговорку. — Вчера вечером там был всплеск. Я подходил, но близко не стал — страшно. Там такое... морок стоит. Воздух дрожит.

Кай вздохнул и провёл пальцем по экрану планшета. Открыл интерфейс перевода маны — стандартная функция для поощрения информаторов, введённая Департаментом для «стимулирования гражданской сознательности». Ввёл: 5 единиц. Назначение: «Оплата информационных услуг». Подтвердил перевод, коснувшись сенсорной кнопки. Планшет пикнул, и Шнырь вздрогнул всем телом — тёплая волна прокатилась по его тощему телу, восполняя его личный, едва теплящийся баланс маны. На несколько секунд его глаза засветились тем же зелёным светом, что и детекторы на пальцах, — это было визуальное отображение пополнения. Это было дешевле, чем давать деньги, и в сто раз полезнее для беспризорника, потому что мана в его организме служила и для поддержания жизненных сил, и для подпитки модификаций, и даже для того, чтобы не замёрзнуть холодной ночью.

— Спасибо, господин инквизитор! — выпалил Шнырь и, пятясь, исчез так же стремительно, как появился, словно растворился в тенях, словно его и не было. Только шорох мусорных мешков ещё пару секунд напоминал о его присутствии.

Кай сделал пометку на планшете в приложении «Задачи»: «14-й блок. Проверить наводку информатора „Шнырь“. Пиратский софт? Возможен свежий релиз». И двинулся дальше. 14-й блок был не по пути, но он планировал дойти до него к вечеру, когда основная рутина будет закончена. А пока — патруль.

Он проходил мимо бесконечных витрин, заклеенных бумагой или заколоченных досками, мимо очередей у распределителей воды, мимо детей, игравших в мяч прямо на проезжей части, потому что машины в Воронке почти не ездили — топливо было слишком дорогим. Планшет в его руке методично сканировал окружающее пространство, выхватывая из реальности возможные нарушения: «Уровень маны в фоне: повышенный. Источник: неизвестен», «Пользователь без лицензии: вероятность 12%», «Свалка неавторизованных артефактов: в 20 метрах к югу». Но всё это была мелочь, не стоящая внимания. Мусор. Фоновый шум.

Кай думал о тётушке Маре. О том, как она осела на табурет, как её пальцы разжались, как сковорода грохнулась на пол. И о том, что сегодня, скорее всего, ему придётся зайти ещё в одну такую же квартиру.

3

Сигнал тревоги разорвал монотонный шум дождя, как нож разрывает холст.

Планшет в руке Кая завибрировал яростно, как пойманный в кулак шершень. Экран залился красным, и этот красный свет отразился в лужах под ногами, словно земля раскалилась. Из динамика, на этот раз голосом сухим и металлическим, принадлежащим явно не тому же департаменту, что утренние рекомендации, затараторил, захлёбываясь словами:

«Внимание! Зафиксирован неавторизованный расход маны 3-го круга. Класс: Бытовые/Пиромания. Лицензия пользователя: Отсутствует. Точка доступа: Жилой массив „Серая Гряда“, дом 12, квартира 22. Рекомендация: Немедленное прерывание. Повторяю: немедленное прерывание!»

Перед глазами Кая интерфейс вывел карту — полупрозрачную, наложенную на реальный мир. На ней пульсировала красная точка, от которой расходились концентрические круги, как от камня, брошенного в радужную лужу. Пятьдесят метров на север, затем налево, под арку, затем ещё раз налево. Кай сорвался с места, не раздумывая. Ноги сами несли его знакомым маршрутом, потому что этот адрес он помнил наизусть. Дом 12. Квартира 22. Тётушка Мара. Опять. В третий раз за этот год, и год ещё не закончился.

Ветхий жилой дом встречал его запахом жареного лука, сырости и чего-то ещё — сладковатого, приторного, похожего на запах разлагающихся цветов. Лестничная клетка была погружена в полумрак — лампы под потолком, покрытые колпаками из мутного пластика, жужжали и мигали, словно в предсмертной агонии. Ступени, выщербленные, с торчащей арматурой, на которую Кай однажды уже напоролся, прокусив ботинок, пружинили под ногами. Где-то на третьем этаже лаяла собака — надрывно, с подвизгиванием, как будто её били. Перила отсутствовали — их сдали на металлолом ещё до рождения Кая, и теперь вдоль лестницы тянулись только уродливые дыры в стене.

Он поднимался на четвёртый этаж. С каждым пролётом запах жареного мяса становился всё отчётливее, всё навязчивее, но к нему примешивалась странная нотка — электрическая, острая, как озон после грозы, как будто где-то поблизости замкнуло проводку. Кай знал этот запах. Так пахла нестабильная бытовая магия, та, которую качали из старых, непроверенных источников, из пиратских свитков, которые продавались в подворотнях за бесценок. Этот запах въедался в одежду, в волосы, в самую душу, и потом ещё долго преследовал тебя, напоминая о том, что мир несовершенен.

Квартира 22. Дверь деревянная, с облупившейся краской, когда-то зелёной, а теперь грязно-серой. На косяке — номер, выведенный от руки белой краской, и под ним — едва заметная надпись мелом: «Мара, не занимай». Кай остановился, перевёл дух, поправил кобуру с шокером, чтобы та не давила на бедро. Затем трижды ударил кулаком в дверь — громко, требовательно, так, чтобы слышали все соседи, чтобы они знали: здесь работает инквизитор.

— Инквизитор Кай! Откройте, немедленно!

За дверью что-то грохнуло — по звуку похоже на сковороду, упавшую на пол. Послышалась возня, приглушённое ругательство («А, чтоб тебя!»), звон стекла — кажется, разбилась чашка. Спустя полминуты дверь приоткрылась — на ширину цепочки. В щели показалось лицо: морщинистое, обветренное, с глазами-бусинками, которые подслеповато щурились, и копной седых волос, собранных в небрежный пучок, из которого выбивались пряди. Тётушка Мара. Она подслеповато щурилась, явно не узнавая гостя, но уже готовая к обороне, как старый пёс, который лает на любой шорох.

— Чего надо? — голос был скрипучий, как несмазанная петля, и в нём слышался вызов. — Я ничего не нарушала! У меня всё честно! Я пенсионерка, мне льготы положены!

— Откройте, пожалуйста, — повторил Кай, стараясь, чтобы голос звучал ровно и не угрожающе. — У меня сигнал. Неавторизованная магия. Система зафиксировала выброс в вашей квартире.

Мара заколебалась, её глаза бегали, оценивая ситуацию. Она явно прикидывала, сможет ли отвертеться, сослаться на сбой оборудования, на старую проводку, на что угодно. Но потом, видимо, поняв, что спорить с инквизитором, у которого на руках сигнал тревоги, себе дороже, сняла цепочку и отступила вглубь квартиры, пробормотав что-то о «проклятой бюрократии».

Кай вошёл.

Внутри было тесно и душно, воздух стоял спёртый, пропитанный запахами готовки и старости. Комната служила и кухней, и спальней, и гостиной — всё в одном флаконе, как в большинстве квартир Воронки. Мебель — старая, рассохшаяся, та, что помнила ещё времена до повсеместной цифровизации, — ютилась вдоль стен: продавленный диван с торчащими пружинами, шкаф с покосившейся дверцей, круглый стол, покрытый клеёнкой в цветочек. На стенах висели пожелтевшие фотографии в рамках — какие-то люди, которых Кай не знал, смотрели на него с укором. У окна, занавешенного выцветшей тряпкой, заменявшей шторы, стояла газовая плита, такая же старая, как и всё остальное.

И на этой плите, на чугунной сковороде, происходило то, что вызвало сигнал тревоги.

Миниатюрный огненный шар, размером с кулак, парил над куском синтетической курицы, которая шипела, истекая искусственным жиром. Шар пульсировал, меняя цвет от оранжевого до ядовито-зелёного, и искрил так, что вокруг сковороды плясали крошечные молнии, оставляя на клеёнке подпалины. Заклинание было кривое, кустарное, словно собранное на коленке из обрывков кода, и оно грозило в любой момент выйти из-под контроля и поджечь всю квартиру. Курица, шипя, поджаривалась, но вместе с дымом в воздух поднимался тот самый электрический запах, и теперь Кай видел его источник — в заклинании была ошибка, циклическая петля, которая заставляла его потреблять больше маны, чем нужно.

— Так-так, — произнёс Кай, подходя ближе и доставая планшет.

Мара застыла у стены, прижав руки к груди, словно пыталась защитить сердце. В её глазах был страх, смешанный с упрямством, — так смотрит ребёнок, пойманный на шалости, но не желающий признавать свою вину.

— Ну чего ты, внучек? — запричитала она, и голос её задрожал. — Курица же! Синтетическая! Ты посмотри на неё! Если её не заколдовать, она как подошва! Я последний зуб два месяца назад потеряла, жевать не могу, а протезы стоят, как крыло от аэробуса! А пенсия...

— Знаю, — перебил Кай, не давая ей закончить тираду. — Пенсия ушла на оплату воздуха в квартире.

Мара осеклась на полуслове, уставившись на него с изумлением. Воздух в квартире действительно был платным. Вентиляция, фильтрация, поддержание кислородного баланса, удаление вредных примесей — всё это регулировалось Системой и тарифицировалось посуточно. Старики вроде Мары, чья пенсия составляла жалкие гроши, были вынуждены выбирать между правом дышать и правом есть, и каждый месяц этот выбор становился всё мучительнее. Система была милосердна, но её милосердие стоило денег.

Кай вздохнул и поднял планшет. Палец привычно скользнул по экрану, открывая приложение «Судебный Пристав-Маг». Иконка — молот, ударяющий по руне, — замерцала, загружаясь с характерным звуком удара металла о камень.

— Добрый день, — начал он стандартную формулировку, которую произносил уже сотни, если не тысячи раз. — Я, Инквизитор Кай, идентификатор #4417, уполномочен зафиксировать факт нарушения. Вы, пользователь Мара, идентификатор #7712-А, нарушаете пункт 4.2 Регламента «О бытовой магии». А именно: использование заклинания третьего круга «Огненный шар» в бытовых целях без соответствующей лицензии. У вас есть лицензия на чудо?

— Какая лицензия, внучек? — Мара всплеснула руками так, что её пальцы описали в воздухе широкую дугу. — Ты глянь на меня! Я последний раз чудо в молодости видела, когда замуж выходила! И то, то чудо оказалось бракованным — муж через год сбежал! Огонёк этот мне соседка дала, Дарья с пятого этажа, добрая душа. Списанный свиток, сказала. По старому ГОСТу, безопасный. Ей его внук из армии привёз. Ещё до всех этих цифровых штучек сделанный!

— Списанный свиток? — Кай поднял бровь, и его палец завис над экраном. — Это пиратский софт, тётушка Мара. Нелегальный. Списанные свитки не проходят сертификацию, их код не обновляется, и они могут быть заражены вирусами. С них и спрос, и спрос строже, чем с новых.

Он нажал на экране «Выбор цели». Планшет пискнул, захватывая в фокус хозяйку квартиры, и на экране появилась её схематическая фигурка, обведённая рамкой. Интерфейс дополнился данными, которые побежали по бокам: «Статус: Нарушитель. Актив: 1 единица. Тип нарушения: Бытовая пиромания. Лицензия: Отсутствует. Предыдущие нарушения: 2 (оба — бытовая магия). Штрафы: оплачены с задержкой».

Второй шаг — выбор дебаффа. Кай пролистнул меню. Там было много опций, от лёгких, почти символических, до самых суровых: «Лёгкое порицание» (для детей, стариков и лиц с ограниченными возможностями), «Предупреждение» (для тех, у кого это первое нарушение), «Дебафф: Нарушитель Покоя» (средняя тяжесть, снижение параметров на 50%), «Арест актива» (блокировка магических способностей) и, наконец, «Полная блокировка» (для рецидивистов — отключение от Системы на срок до 30 дней). Нужная строка подсветилась жёлтым:

«Дебафф: Нарушитель Покоя. Эффект: Снижение характеристик — Сила, Ловкость, Мана — на 50% до момента оплаты штрафа. Дополнительный эффект: временная утрата возможности колдовать».

— Сожалею, — сказал Кай, глядя Маре прямо в глаза. Ему было важно, чтобы она видела: он не получает от этого удовольствия. — Согласно протоколу, я обязан применить [Арест] актива и выписать штраф. Это не моя прихоть, это регламент.

— Не надо, внучек! — взмолилась Мара, делая шаг вперёд и протягивая к нему трясущиеся руки. — Я всё выключу! Я больше не буду! Я просто хотела курицу поджарить! Я старая, мне трудно жевать, у меня артрит, я не могу долго стоять у плиты!

Но было поздно. Кай нажал «Исполнить».

Эффект был мгновенным и жутким в своей обыденности, в своей механической неотвратимости. Шар над сковородой лопнул, будто мыльный пузырь, осыпав стол дождём искр, которые, падая на клеёнку, прожигали в ней чёрные точки. Курица, лишившись источника жара, шлёпнулась на сковороду и зашипела, касаясь раскалённого металла. А тётушка Мара вдруг пошатнулась. Её тело, мгновение назад казавшееся бодрым, энергичным, налилось свинцовой тяжестью. Сковорода стала для неё неподъёмной — пальцы разжались, ручка выскользнула, и сковорода с грохотом упала на пол, разбрызгивая жир.

Сама Мара, хватая ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег, осела на табурет, стоявший у стены. Её плечи опустились, спина сгорбилась, руки бессильно повисли вдоль тела. Она стала похожа на сломанную куклу, из которой вытащили половину ваты. Дебафф работал просто и безжалостно: Система перекрывала доступ к «аккаунту» пользователя, и его физические параметры, которые в этом мире были неразрывно связаны с магическим балансом, падали вдвое. Пока штраф не оплачен, Мара будет чувствовать себя так, будто на плечи ей ввалили мешок с камнями, а к ногам привязали гири.

Кай молча смотрел на неё. Мара тяжело дышала, по её щекам, изрезанным морщинами, текли слёзы — не истерика, не бурный плач, а тихое, бессильное старческое горе, которое было во сто крат страшнее любых криков.

— Сколько? — прошептала она, даже не поднимая головы.

— Базовая ставка — двести кредитов, — ответил Кай, сверяясь с планшетом, и его палец уже тянулся к разделу «Смягчающие обстоятельства». — Плюс пятьдесят за уклонение от уплаты, так как вы пытались скрыть нарушение. Итого двести пятьдесят.

— У меня нет таких денег.

Кай помолчал. Потом, стараясь не встречаться с ней взглядом, нажал пару кнопок в разделе «Смягчающие». «Малозначительность нарушения» — галочка. «Тяжёлое материальное положение» — галочка. «Преклонный возраст» — галочка. «Отсутствие злого умысла» — галочка. Система пересчитала сумму, проскрипела что-то в своих алгоритмах. Теперь на экране горело: 25 кредитов. Минимально возможный штраф, ниже которого Система не позволяла опуститься ни при каких обстоятельствах, даже если бы нарушитель умирал от голода

прямо здесь и сейчас. Двадцать пять кредитов — цена одного «Солнечного утра в Центральном Парке» на пять дней.

Планшет пискнул, и из порта на нижнем торце выползла узкая полоска бумаги. Удлиняясь, она складывалась гармошкой — квитанция об уплате штрафа, длинная, как кассовый чек из супермаркета, на которую Система потратила, наверное, больше магии, чем на сам дебафф. На чеке было напечатано: «Уважаемый пользователь #7712-А! Вы привлечены к ответственности за нарушение Регламента. Сумма штрафа: 25 кредитов. Срок оплаты: 10 календарных дней. В случае неуплаты дебафф будет продлён автоматически». Кай оторвал её и положил на стол, придавив солонкой, чтобы не улетела.

— Двадцать пять кредитов, — сказал он тихо, почти шёпотом. — Срок оплаты — десять дней. Если не оплатите, дебафф останется навсегда. Понимаете? Навсегда.

Мара не ответила. Она сидела, опустив голову, и мелко-мелко тряслась, как осиновый лист на ветру. Её маленькая кухня, её жалкая сковорода с подгоревшей синтетической курицей, её огонёк-мечта, её маленькое чудо, скрашивавшее убогую старость — всё это было раздавлено неотвратимой логикой Системы. Всё это исчезло, как исчезает утренний туман под лучами равнодушного солнца.

Кай развернулся и вышел, плотно закрыв за собой дверь, чтобы сквозняк не выдул остатки тепла.

На лестничной клетке он остановился и прижался лбом к холодной бетонной стене. Шершавая поверхность царапала кожу, но это было даже приятно — хоть что-то настоящее в этом мире, сотканном из иллюзий и протоколов. Перед глазами всё ещё стояла картинка: Мара, оседающая на табурет, её пальцы, бессильно соскальзывающие с ручки сковороды, её слёзы, капающие на клеёнку в цветок.

Раньше мы сражались с драконами, подумал он, и эта мысль была горькой, как тот кофе, что он пил утром. Раньше инквизиторы были грозой некромантов и демонопоклонников. Раньше это звание звучало гордо, внушало страх и уважение. А теперь меня ненавидят старухи за курицу. Теперь я выписываю штрафы за суп и забираю последние гроши у тех, у кого и так ничего нет. И зачем это всё? Чтобы Система была стабильна? Чтобы бюджет Департамента пополнялся? Чтобы мой Коэффициент не падал?

Он отлепился от стены и медленно побрёл вниз по лестнице, ступая тяжело, как человек, который несёт на плечах невидимый груз. Красная точка на карте интерфейса погасла, сменившись серой меткой: «Вызов закрыт. Протокол составлен. Штраф выписан». Вызов был закрыт. Но осадок остался.

На первом этаже, у выхода, его остановил сосед — мужчина средних лет в засаленной майке, который курил, сидя на перевернутом ящике.

— Опять старуху обижаешь? — спросил он с усмешкой, выпуская струйку дыма. — Эх, инквизитор, и не стыдно тебе?

Кай ничего не ответил. Он просто прошёл мимо, толкнул дверь, выходя под серый дождь, и побрёл дальше. Ему было стыдно. Ему было очень стыдно. Но что он мог сделать? Раз-

вернуться, снять дебафф? Это было невозможно — дебафф снимался только после оплаты штрафа, автоматически. Таков был закон, вшитый в протоколы Системы. И если бы он попытался его обойти, его самого ждал бы трибунал и, возможно, дематериализация.

4

Сумерки в Воронке наступали не плавно, не так, как в природе, а рывками, словно кто-то переключал тумблер с «День» на «Ночь». Неоновые вывески, встроенные в фасады, разом зажглись, заливая улицы кислотным светом — розовым, малиновым, ядовито-синим, пронзительно-зелёным. Капли дождя, падая сквозь эти лучи, превращались в цветные пунктиры, и весь мир становился похож на дешёвую голограмму, на сбой интерфейса, на глюк матрицы. Лужи горели, как разлитая акварель, и в них отражались огни вывесок, создавая сюрреалистические узоры.

Кай брёл к 14-му блоку.

Пометка на планшете, оставленная после встречи со Шнырём, пульсировала мягким напоминанием. «Пиратский софт?» — значилось там. После сцены у Мары ему хотелось только одного: забиться в свою бетонную коробку, включить «Промозглую Осень» на голографическом окне, выпить чашку чего-нибудь горячего и попытаться забыть этот день. Может быть, даже посмотреть какой-нибудь старый сериал в сети — из тех, что не требуют подписки. Но Коэффициент Благонадёжности требовал активности. Он висел перед глазами, как дамоклов меч, и каждое бездействие могло стоить ему драгоценных сотых долей балла. Патруль — это не просто хождение по улицам. Это фиксация, отчётность, результат. Если через неделю его журнал вызовов будет пуст, если в нём не будет зафиксировано ни одного нарушения, ни одной профилактической беседы, ни одного предотвращённого инцидента, Система решит, что инквизитор «недостаточно эффективен». И 0,5 на шкале поползёт вниз. Сначала до 0,4. Потом до 0,3. А на 0,2 обычно приходило уведомление об «административном отпуске», который на деле означал отстранение и последующее списание.

Он не мог этого допустить. Только не сейчас.

14-й блок встретил его тишиной — той особенной, давящей тишиной, которая бывает только в очень опасных или очень мёртвых местах.

Здесь было темнее, чем в центре Воронки. Фонари, те немногие, что ещё не разбили вандалы, частью были обесточены — то ли самими жителями, которые предпочитали скрываться во тьме, подальше от глаз Системы и её вездесущих патрулей, то ли просто за ненадобностью, потому что платить за электричество здесь было некому. Дома, обшарпанные до такой степени, что сквозь штукатурку проступали рёбра арматуры, покрытые граффити и пятнами плесени, напоминали гнилые зубы в челюсти мертвеца. Под ногами хлюпала жижа — смесь дождя, грязи, нечистот и, возможно, остатков спектральной маны, которая здесь, судя по всему, была частым гостем.

Кай сверился с картой. Наводка Шныря была обрывочной, неточной. «В 14-м блоке», — и всё. Ни номера дома, ни названия переулка. Но беспризорник говорил о серой мане, а серая мана имела свойство оставлять следы. Настоящие, физические следы, видимые невооружённым глазом и без интерфейса. Нужно было только знать, куда смотреть.

Он свернул в подворотню между двумя покосившимися пятиэтажками, которые, казалось, опирались друг на друга, как пьяные, не давая упасть.

И сразу почувствовал это. Запах горелой резины. Густой, плотный, он стоял в воздухе, как невидимая стена. Он проникал в нос, в горло, оседал на языке противным химическим послевкусием. Так пахнет на свалке старых покрышек, когда их поджигают подростки. Но этот запах был другим — в нём чувствовалась примесь чего-то холодного, потустороннего.

Подворотня была узкая, заваленная ржавыми остовами бочек, сломанными ящиками, кусками каких-то труб, велосипедной рамой без колёс и грудой неопознаваемого мусора. В её дальнем конце, где стены почти смыкались, образовывая тупик, из которого, казалось, не было выхода, тускло светилась лужа. Но это была не вода. Кай понял это сразу, как только увидел её.

Жижа в луже маслянисто переливалась, отливая не радугой, как обычные магические отходы, а грязно-серым, с вкраплениями черноты, похожими на мазут. Спектральная мана. Отработанная, нестабильная — продукт распада какого-то мощного заклинания, отработанный материал, который организм мага не смог усвоить и выплюнул в реальность. Она медленно двигалась, словно внутри неё плавали невидимые медузы, сокращались мышцы неведомого существа. От неё поднимался лёгкий пар, и этот пар пах горелой резиной. Серая мана. Та, что остаётся после использования пиратских свитков — поделок, не прошедших сертификацию Системы, написанных на коленке умельцами, которые воруют код из открытых источников и продают его в обход официального магазина приложений. Такая мана была токсична, она отравляла почву, воздух и всё живое вокруг.

Кай присел на корточки, морщась от запаха, и вытащил планшет. Активировал сканер — приложение «Спектральный Анализ 2.0», которое загружалось целую вечность и жрало батарею, как голодный зверь. По экрану побежала волна — интерфейс анализировал спектр, сравнивая его с базой данных Департамента.

Результат не заставил себя ждать. На экране высветилось сообщение, обрамлённое красной рамкой:

«Обнаружены следы „Пиратского Свитка“ версии 4.0.1. Производитель: Неизвестен. Угроза: Высокая. Источник: Неавторизованный. Внимание! Данный продукт несовместим с протоколами Департамента. Вероятность вирусной атаки на оборудование: 87%. Рекомендуется: Немедленное изъятие образцов, усиление брандмауэра, вызов группы поддержки».

Кай хмыкнул себе под нос. Версия 4.0.1. Это вам не дедовский свиток для жарки курицы, который тётушка Мара получила от сердобольной соседки. Это относительно свежий софт, четвёртое поколение пиратских прошивок, которые умели не только колдовать, но и взламывать защиту, распространять вирусы и замечать следы. Значит, где-то поблизости работает не просто торговец контрафактом, а целая сеть. Или, что ещё хуже, программист-одиночка, который пишет эти свитки с нуля.

Он прошёл чуть дальше, стараясь не наступать в лужу, которая уже начала вытягивать в его сторону тонкие, как щупальца, отростки, и подошва его ботинка наткнулась на что-то твёрдое.

Обрывок пергамента.

Кай наклонился и осторожно, двумя пальцами, как ядовитую змею, поднял его. Пергамент был старый, желтоватый, с рваными краями, словно его вырвали из какой-то книги. На нём виднелись символы — чёрные, блестящие, похожие на чернила. Но странность заключалась в том, что эти символы не стояли на месте. Они мерцали и переписывались прямо на глазах, подёргиваясь, как помехи на старом телевизоре. Одна руна, похожая на перевёрнутую «S» с хвостиком, превращалась в зигзаг, напоминающий молнию; зигзаг распадался на три точки; точки снова собирались в «S». И так по кругу, без остановки. Это было похоже на глюк интерфейса, на сбой в матрице. И это было жутко до дрожи.

Кай поднёс обрывок к планшету, чтобы тот считал данные и зафиксировал вещественное доказательство.

И в этот момент планшет закапризничал.

Экран дёрнулся, как от удара током. На него, как дешёвые спецэффекты из старого фильма ужасов, полезли артефакты — цветные полосы, бегущие строки двоичного кода, двоющиеся иконки приложений, помехи в виде «снега». Приложение «Судебный Пристав-Маг» самопроизвольно закрылось. Открылось. Снова закрылось. Открылось опять, но уже с ошибкой. Весь интерфейс начал рассыпаться на глазах, как картонный домик. Затем всё погасло, и на чёрном экране высветилась единственная строка, выведенная белым по чёрному, и от этой строки у Кая похолодело внутри:

«Обнаружено вредоносное воздействие. Источник: Неизвестен. Рекомендация: Немедленно отключить устройство и обратиться в службу технической поддержки».

Кай выругался сквозь зубы — длинно, грязно, с упоминанием Системы, Департамента и всех магов вместе взятых. Пиратский свиток, даже в виде жалкого обрывка, оказался заразным. Он распространял свой код, как вирус, пытаясь проникнуть в защищённый контур инквизиторского планшета, взломать его и, возможно, получить доступ к базам данных. Такого он не видел давно, со времён эпидемии «Красной Чумы» — вируса, который три года назад парализовал работу трёх секторов. Это не была магия для жарки курицы. Это был боевой софт. Те, кто качал эту ману, не просто жулики, уклоняющиеся от налогов. Они взламывали учётные записи Системы. Они пользовались серым джейлбрейком — обходом встроенной защиты, тем, что позволяло творить заклинания анонимно, не оставляя цифрового следа. И тех, кто пользовался такими штуками, Департамент приравнивал к террористам.

Кай выключил планшет и снова включил его, надеясь, что перезагрузка сбросит вирусную атаку, как это часто бывало с более простыми угрозами. Экран мигнул, на нём появился логотип Департамента — весы на фоне книги. Потом пропал. Потом снова появился, но уже искажённый, растянутый. Потом экран залился рябью. Заряд батареи, отображавшийся в левом верхнем углу, начал таять на глазах, как мороженое на солнце — 67%, 54%, 38%, 21%...

А потом из тени вышел он.

Кай слышал шаги. Они были мягкими, почти кошачьими, и звучали они не снаружи, не из подворотни, а как будто изнутри самой темноты. Фигура отделилась от стены в дальнем конце подворотни — там, где, Кай готов был поклясться на Библиотеке Протоколов, секунду назад никого не было, только мёртвая кирпичная кладка и плесень. Высокий, худой, со горб-

ленными плечами незнакомец был закутан в длинный плащ с капюшоном, который скрывал лицо в густой тени. Ни проблеска глаз, ни очертаний подбородка. Только тьма.

— Инквизитор, — голос был спокойный, даже вежливый, с лёгкой хрипотцой, как у человека, который много говорит или много курит. — Ты ведь не хочешь это забирать?

Кай медленно разогнулся, держа обрывок пергамента двумя пальцами. Его вторая рука произвольно легла на рукоять шокера, но он не вытащил его, пока не вытащил. Он ждал.

— Это вещественное доказательство, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. — Пиратский свиток. Запрещён. Статья 7.1 Регламента. Распространение, хранение и использование караются вплоть до пожизненной блокировки.

— Пожизненной блокировки, — повторил незнакомец, и в его голосе послышалась усмешка. — Ты сам-то веришь в то, что говоришь? Это всего лишь дешёвый чит для подогрева еды. Ты же не думаешь, что из-за такой мелочи стоит поднимать шум? Из-за пары строк кода, которые просто не прошли сертификацию?

Кай прищурился. Фигура говорила разумно, спокойно, даже убедительно, но ощущение опасности, годами вбитое в инквизиторов на тренировках и в реальных стычках, уже звенело где-то в основании черепа, заставляя мышцы напрячься. Планшет в его руке продолжал глючить — иконки двоились, троились, распадались на пиксели. Заряд утекал, как вода сквозь пальцы: 12%, 8%...

— Любой чит, — произнёс Кай, делая шаг назад и нащупывая под ногой более твёрдую почву, — это дыра в бюджете Системы. Каждое неучтённое заклинание — это минус к стабильности магического поля. А Система этого не любит. И я, как инквизитор, обязан это пресекать.

— Система, — незнакомец выплюнул это слово, как ругательство. Он медленно поднял руку, не для удара — просто показал ладонь в жесте, который мог означать и «сдаюсь», и «смотри». Но в этой ладони, в тонких, длинных пальцах с обкусанными ногтями, лежал планшет. Не такой, как у Кая, не казённый «Гранит», а кустарная модель, собранная из разных частей, с красным, словно воспалённым, экраном, который пульсировал в такт сердцебиению своего владельца.

На экране бежали колонки цифр, которые Кай не узнавал, хотя проработал с магическими интерфейсами четыре года. Это были не стандартные протоколы. Это был другой язык.

Рут-доступ. Взломанная версия прошивки. Административный доступ к магии в обход Системы.

Незнакомец сжал кулак.

И мир вокруг лопнул фонтаном искр.

Фонари — те немногие, что ещё работали в этом забытом Системой квартале, — взорвались, осыпав переулок дождём стеклянной крошки и электрических брызг, которые заплясали на мокром асфальте голубыми змейками. Кай инстинктивно пригнулся, закрывая голову руками, чувствуя, как острые осколки царапают плащ. Из планшета вырвался треск, похожий

на предсмертный крик раненого животного, и экран погас окончательно, превратившись в чёрное зеркало, в котором отражалось только его испуганное лицо. Связь с центром — та тонкая ниточка, что всегда, в любое время суток соединяла его с Системой, давала ему силу, полномочия, саму идентичность, — оборвалась, лопнула, как перетянутая струна. Интерфейс перед глазами замерцал, пошёл рябью и исчез, оставив только реальный мир: тёмный, мокрый, вонючий, каким он был до прихода Системы, до того, как магия стала товаром.

Когда Кай выпрямился, незнакомец стоял на том же месте. Его фигура, освещённая лишь отблесками далёких неоновых вывесок, казалась изваянием, памятником самому себе.

— Не всё в этом мире решается через Систему, — сказал он тихо, и его голос проник в саму душу. — Иногда магия — это просто магия. Без аккаунта. Без лицензии. Без «Коэффициента Благонадёжности». Просто чудо, доступное каждому. И это пугает вас, инквизиторов, больше всего, не так ли?

Он развернулся и шагнул в темноту. Его плащ взметнулся, как крыло гигантской птицы. Кай дёрнулся было за ним, но ноги словно приросли к земле, налились тем же свинцом, который он недавно наложил на тётушку Мару. Планшет в руке был мёртв, как кусок пластика. Шокер на поясе? Он коснулся его — тот, по крайней мере, работал автономно, не требовал связи с Системой. Но что он сделает шокером против того, кто умеет подрывать фонари одним движением пальцев? Против того, кто взломал саму реальность?

Незнакомец растворялся в тенях, становясь частью тьмы. Его последние слова долетели до Кая уже почти из ниоткуда, приглушённые шумом дождя, который вдруг усилился, как будто само небо пыталось заглушить крамолу:

— Мы ещё встретимся, инквизитор. Подумай пока, на чьей ты стороне. И что ты будешь делать, когда Система решит, что твой коэффициент недостаточно высок.

И тишина. Глубокая, как могила.

Только дождь. Мерный, бесконечный, как дыхание равнодушного бога. Он шелестел по бетону, по ржавому железу, по лужам спектральной маны, которая продолжала пульсировать, словно живое сердце. Капли стучали по плечам Кая, по погасшему экрану планшета, по обрывку пергамента, который он всё ещё сжимал в онемевших пальцах.

Он стоял так долго — минуту, две, три. Ждал, не вернётся ли неизвестный. Не случится ли ещё что-нибудь. Не появится ли из темноты новый враг. Но ничего не происходило. Подворотня была пуста. Только растёкшаяся серой лужей мана медленно ползла по асфальту к сточной решётке, словно пыталась убежать, спрятаться в канализации, где её не достанут никакие инквизиторы.

Наконец Кай перезагрузил планшет принудительно — зажал кнопку на боку и держал десять долгих секунд, затаив дыхание. Аппарат дёрнулся в руке, на экране появилась эмблема Департамента, загрузочный круг завертелся. На этот раз — стабильно, без артефактов. Заряд: 7%. Связь с центром: восстанавливается. Одно деление, два. Есть. Интерфейс перед глазами ожил, и первым, что он показал, был отчёт о событии: «Внимание! Устройство подверглось атаке вредоносного ПО. Рекомендуется полная диагностика в сервисном центре».

А затем — шкала. Коэффициент Благоннадёжности. Всё те же 0,5. Пока что. Но Кай знал: когда он подаст рапорт о пиратском софте и о нападении неизвестного, Система зафиксирует событие. Если сочтёт его «потенциально опасным» и «не раскрытым», коэффициент может поползти вниз. Если он не найдёт нарушителя — тоже. А если Система решит, что он «спровоцировал атаку» или «не справился с ситуацией», его могут наказать. Потому что Система всегда находит виноватого.

Он спрятал обрывок пергамента в герметичный кармашек на поясе — специальное отделение для вещдоков, обитое свинцовой фольгой, чтобы блокировать вредоносное излучение. Хватит с него на сегодня приключений. Пора было возвращаться домой, в свою бетонную коробку, к своему голографическому окну и своей шкале, которая висела перед глазами, как неотвратимый приговор.

Кай вышел из подворотни, и на него обрушилась ночная Воронка — шумная, неоновая, равнодушная ко всему. Она жила своей жизнью, и ей было плевать на серую ману, на пиратские свитки, на старух с курицей и на инквизиторов с их коэффициентами. Он шагал по лужам, чувствуя, как холодная вода, смешанная с остатками магии, просачивается сквозь швы ботинок. Планшет висел на поясе, как гирия. В голове крутились слова незнакомца. «Не всё в этом мире решается через Систему». «Магия — это просто магия». «Без аккаунта».

Ложь, говорил он себе. Всё, что мы имеем, идёт через Учётную Запись. Без неё ты — пустое место. Тень. Дематериализованный фантом, который никто не видит. Так было всегда, с тех пор как Система победила Хаос и установила Порядок. Так учили в школе. Так твердили на брифингах. Так написано в Регламенте.

Но где-то в глубине души, в том её тёмном уголке, куда не проникал интерфейс, Кай не мог отделаться от мысли, что тётушка Мара, жарящая курицу на краденом огоньке, была в тот момент куда живее его самого. Что её дрожащие руки и слезящиеся глаза были более настоящими, чем вся его вычищенная, отлаженная, подотчётная жизнь. И что взгляд того парня с красным планшетом, когда он говорил о магии, доступной каждому, горел настоящим огнём. Таким, какого в интерфейсе инквизитора не предусмотрено. Таким, какого Кай не видел никогда.

Он шёл домой. Над Воронкой сгущалась ночь, и дождь всё не прекращался. А в кармашке для вещдоков, прижатый к бедру, лежал обрывок пергамента, символы на котором продолжали мерцать и переписываться, словно им было тесно в свинцовой темнице. Завтрашний день обещал быть сложнее сегодняшнего. И Кай ещё не знал, что встреча с незнакомцем — это не конец, а только начало.

Конец первой главы.

Глава 2: Красный экран

1

Тишина обрушилась на Кая, как бетонная плита.

Он стоял в подворотне, и мир вокруг него съёжился до размеров мокрого асфальта под ногами, ржавых труб на стенах и лужи серой маны, которая всё ещё пульсировала в нескольких шагах от него, словно выброшенное на берег медузообразное существо. Незнакомец исчез — растворился в тенях, из которых, казалось, и был соткан, — и вместе с ним исчезло всё, что составляло привычную реальность инквизитора седьмого сектора.

Интерфейс погас.

В первые секунды Кай даже не понял, что именно произошло. Он моргнул — раз, другой, третий, ожидая, что шкала Коэффициента Благонадёжности, как всегда, послушно выплывет на периферию зрения. Ничего. Он мотнул головой, словно пытаясь стряхнуть с глаз невидимую паутину. Ничего. Он поднёс руку к лицу и посмотрел на тыльную сторону ладони — туда, где обычно высвечивались данные о заряде линз и текущем времени. Пусто. Только кожа, покрытая сеткой старых шрамов, только вздувшиеся вены, только грязь, вьёвшаяся в поры.

Паника — та самая, животная, первобытная, которую он годами учился подавлять на тренировках в Департаменте, на брифингах, на бесконечных патрулях, — поднялась откуда-то из солнечного сплетения, сжала горло ледяными пальцами. Он ослеп. Не в физическом смысле — глаза видели, и видели даже лучше, чем раньше, потому что теперь их не застилала пелена дополненной реальности, — но он ослеп в том смысле, в каком слепнет человек, у которого вырвали из черепа нейроинтерфейс, оставив кровоточащую дыру.

Кай-Инквизитор, идентификатор #4417, сотрудник Департамента Магического Правосудия с четырёхлетним стажем, перестал существовать. Остался просто Кай. Просто человек, стоящий в тёмной подворотне под морозящим дождём, с бесполезным планшетом в одной руке и обрывком заражённого пергамента в другой.

Он заставил себя дышать. Медленно. Размеренно. Вдох — на четыре счёта, задержка — на семь, выдох — на восемь. Техника, которой его научил старый инструктор, сержант Хольт, ещё в те времена, когда Кай был желторотым стажёром и трясся перед каждым вызовом, как осиновый лист. «Страх — это тоже магия, парень, — говаривал Хольт, попыхивая вонючей трубкой, набитой какой-то контрабандной травой. — Только дикая, необузданная. Приручи её, и она станет твоим топливом. А поддашься — она сожрёт тебя быстрее, чем штраф за просрочку лицензии».

Дыхание помогло. Паника отступила на шаг, давая место холодному, расчётливому анализу. Кай присел на корточки — не из страха, а чтобы уменьшить заметность силуэта, — и принялся оценивать ситуацию так, как учили в Академии. Первое: он жив. Второе: он ранен? Нет, физических повреждений нет. Третье: враг ушёл. Четвёртое: связь с Системой потеряна. Пятое: планшет, судя по всему, выведен из строя. Шестое: в кармашке для вещдоков лежит образец пиратского софта, который, возможно, является ключом ко всему.

Он поднял планшет. Экран — тот самый матовый, противоударный, водонепроницаемый до десяти метров экран «Гранита-7», которым так гордились разработчики из Корпорации «Правовые Инновации», — был чёрен. Не просто выключен. Именно чёрен, как остывший уголь, как закопчённое стекло. Но когда Кай повернул его под определённым углом, поймав отражение далёкого неонового огня, просачивающегося из глубины переулка, он увидел, что экран отливает багровым. Густым, тёмно-красным, почти чёрным в центре и светлеющим к краям. Словно внутри аппарата запеклась кровь.

«Красный экран смерти», — пронеслось в голове.

Он слышал об этом феномене. В Департаменте ходили слухи — те самые, которые никогда не подтверждались официально, но которые упорно циркулировали в курилках и столовых для младшего персонала. Говорили, что пиратские свитки нового поколения умеют не просто взламывать протоколы, а выжигать саму магическую основу устройства, превращая его в кусок мёртвого пластика. Говорили, что после такого даже гарантийный ремонт не помогает. Говорили, что несколько инквизиторов из пятого сектора уже попали под такое воздействие и теперь работают с бумажными протоколами, как в доцифровую эпоху.

Но одно дело — слухи, и совсем другое — держать в руках собственный мёртвый планшет, который ещё час назад был твоим главным оружием, твоим щитом, твоим пропуском в мир.

Кай нажал кнопку включения. Ничего. Зажал её на десять секунд. Никакой реакции. Попробовал комбинацию для аварийной перезагрузки — кнопка включения плюс нижняя клавиша громкости. Экран мигнул — на долю секунды, так коротко, что он едва успел это заметить, — и снова погас. Но этот миг дал ему надежду. Устройство не было мертво окончательно. Где-то в его недрах ещё теплилась жизнь.

Он попробовал голосовой вызов — последнюю опцию, доступную даже при заблокированном экране.

— Система, — произнёс он, и собственный голос показался ему чужим, слишком громким в этой мёртвой тишине подворотни. — Аварийный протокол «Один-Семь-Три». Инквизитор Кай, идентификатор #4417. Запрашиваю экстренную связь с Центральным Узлом.

Тишина. Только дождь шелестит по бетону, только где-то вдалеке, за несколько кварталов отсюда, воеет сирена аэрокареды — то ли полиция, то ли скорая, то ли просто рекламный дрон, перепутавший звуковые дорожки.

— Система, — повторил он, уже громче, уже с нотками отчаяния, которые сам ненавидел. — Код «Ноль-Ноль-Девять». Инквизитор в бедствии. Требуется немедленная эвакуация. Координаты...

Он осёкся. Координаты. Раньше они всегда высвечивались в левом верхнем углу интерфейса, точные до сантиметра, благодаря спутниковой привязке и магическому позиционированию. Но теперь интерфейса не было. И Кай вдруг понял, что он даже не знает своих точных координат. 14-й блок, подворотня между двумя пятиэтажками — это всё, что он мог сказать. А Системе нужны были цифры. Ей всегда были нужны только цифры.

Он выругался — длинно, грязно, с упоминанием всех магов, бюрократов и разработчиков «Гранита-7». Эхо его голоса заметалось между стен, отразилось от ржавых бочек, от мусорных баков, от лужи серой маны, которая, казалось, на мгновение замерцала ярче в ответ на его эмоции. Испугавшись, что громкий звук может привлечь нежелательное внимание — а в Воронке громкие звуки привлекали внимание всегда, и редко это внимание было дружелюбным, — Кай заставил себя замолчать.

Он остался один. Полностью, абсолютно один. Впервые за четыре года службы.

Без связи.
Без интерфейса.
Без Системы.

И это было страшнее, чем любой дебафф, страшнее, чем любой штраф, страшнее, чем угроза дематериализации. Потому что дематериализация — это хотя бы определённости, это прописанный в протоколах процесс, у которого есть начало, середина и конец. А здесь была неизвестность. Зияющая, бездонная, как та самая Воронка, в честь которой называли район.

Кай сунул руку в карман плаща, надеясь найти что-нибудь полезное. Пальцы наткнулись на смятый чек из закуской «У Грыма» — нет. На сломанный карандаш — нет. На пару кредитных чипов по пять единиц — нет. На упаковку дешёвых леденцов от кашля, которые он покупал в автомате на углу, — нет. Ничего. Ничего, что могло бы ему помочь.

И тогда он вспомнил.

Рука сама потянулась к поясу, к кобуре, где в специальном креплении покоился «Жезл Правосудия», модель «М5-Подавитель». Шокер. Тяжёлый, надёжный, с рубчатой рукоятью, покрытой рифлёной резиной. Кай вытащил его и взвесил в руке. Оружие было холодным, но это был приятный холод — холод металла, который никогда не подводил.

Сержант Хольт говорил: «Инквизитор без планшета — не труп. Это инквизитор, у которого развязались руки. Главное, чтобы мозги не отключились раньше». И ещё он говорил: «Если твой электронный друг сдох, вспомни, что у тебя есть Жезл. Это не просто палка с искрой. Это ключ. Универсальный ключ ко всему дерьму, в которое ты можешь вляпаться».

Кай перевернул шокер рукоятью вверх. В тусклом свете, падающем от далёкого неонового огня, он разглядел то, что никогда не рассматривал раньше — потому что раньше ему это было не нужно. Навершие рукояти, та часть, которая обычно плотно сидела в ладони, имела едва заметную резьбу. Он попробовал её отвернуть. Поддалась туго — резьба была покрыта каким-то герметиком, чтобы не раскручивалась при ударах, — но после нескольких усилий стронулась с места.

Внутри обнаружилось гнездо. Миниатюрный штыревой коннектор, утопленный в глубину на пару сантиметров. Рядом с ним, в специальном пазу, покоилась крошечная батарейка-таблетка, залитая прозрачным компаундом. Аварийный источник питания. Одноразовый. На случай, если основная батарея сядет, а зарядить планшет будет негде.

Кай перевернул планшет. На нижнем торце, под резиновой заглушкой с гравировкой «Только для авторизованного персонала» (которую, разумеется, никто и никогда не читал,

потому что заглушка была сделана так, чтобы её невозможно было открыть без специального инструмента), скрывалось ответное гнездо. Он подцепил заглушку ногтем, сломал её к чёртовой матери — какая теперь разница, гарантия всё равно аннулирована — и увидел порт.

С минуту он просто смотрел на эти два разъёма — на штекер в рукояти шокера и на гнездо в планшете. Они подходили друг другу. Это не было случайностью. Инженеры Департамента, при всей их бюрократической тупости, всё же предусмотрели сценарий полного отказа электроники. Или, может быть, это была инициатива самих разработчиков «Жезла» — тех, кто понимал, что в полевых условиях инквизитор может остаться без связи и без поддержки.

Кай соединил их. Шокер вошёл в планшет с тихим, сухим щелчком, и теперь это выглядело как странный гибрид — боевое оружие, растущее из корпуса гражданского устройства. Он нажал кнопку активации на шокере — не ту, что выстреливала гарпунами, а малую, скрытую под большим пальцем, предназначенную для проверки заряда.

Ничего не произошло. А потом планшет задрожал.

Это была странная, мелкая вибрация, похожая на ту, с которой он просыпался каждое утро. Экран вспыхнул — но не привычным интерфейсом, не иконками приложений, не шкалой Коэффициента. Вместо этого по чёрному полю побежали строки. Сырые, необработанные, на языке рун и машинного кода, смешанных в единую кашу. Красные символы сменялись зелёными, зелёные — синими, синие — белыми, и всё это мерцало, дрожало, переливалось с такой скоростью, что у Кая зарябило в глазах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.